

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.114

ТРОПЕЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ СОМАТИЗМОВ В ЛИРИКЕ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

Д. М. Плужникова*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
dageeva24@rambler.ru*

В статье рассматриваются тропы и фигуры речи, сопровождающие слова-соматизмы в лирике Беллы Ахмадулиной. Исследуются перифразы, эпитеты, сравнения и метафоры.

Ключевые слова: соматизм, перифраза, эпитет, сравнение, метафора.

Введение

Белла Ахмадулина, безусловно, относится к выдающимся поэтам XX – XXI вв., творчество которых уже при их жизни начинало привлекать внимание не только отечественных, но и зарубежных исследователей, что связано с удивительным богатством лексикона, оригинальным, новаторским и вместе с тем убедительным использованием тропов и фигур, завораживающей интонацией поэтической речи. Это подтверждает В. К. Харченко в книге «Переносные значения слова»: «Для исследования поэтической природы образа, для изучения взаимодействия, взаимоиндукции тропов творчество Б. Ахмадулиной даёт щедрый и во многом уникальный материал» [1, с. 142].

Основная часть

Значительный интерес в творчестве поэтессы представляет анализ тропов, обслуживающих соматизмы и привлекающих, направляющих к ним внимание читателя. В рамках лингвистической традиции под соматизмами мы будем понимать все наименования элементов и систем человеческого и животного тела. Богатое использование тропеического материала, наслоение всё новых и новых эпитетов, сравнений и метафор «приводит к тому, что соматизмы, оставаясь в центре описания, теряют свои первоначальные значения и приобретают множество коннотативных; внимание читателя переключается на лексическое окружение, на контекст» [2, с. 80]. Рассмотрим подробнее особенности использования соматического окружения на примере перифразы, эпитета, метафоры и сравнения. Отрывки из стихотворений поэтессы приводятся по изданию [3].

1. Перифразы с соматизмами. Творческая манера Беллы Ахмадулиной характеризуется устойчивым интересом к иносказаниям. В. П. Григорьев писал: «Тема “Перифраза в творчестве Ахмадулиной” нелёгкая, но благодатная тема, исследование которой могло бы многое прояснить и в механизме современного ПЯ (поэтического языка. – В. Х.), и в соотношении традиций и новаторства, и в художественном мире поэтессы, и в сложном развитии высокой культуры художественной речи» [цит. по: 1, с. 142].

Перифразой обычно называют описательное выражение номинативного характера, применяемое для замены слова или группы слов. «Перифрастическое сочетание,

обозначая предмет, позволяет назвать его характерные признаки. Кроме того, перифраза, как элемент текста, позволяет выделить описываемый объект. Такая многофункциональность перифразы делает её важным речевым средством, используемым в рамках различных стилей: художественного, публицистического и разговорного» [4, с. 504]. Активное использование Б. Ахмадулиной иносказаний – это и дань литературной традиции, и отличительная черта индивидуального стиля поэтессы. В. П. Москвин в книге «Русская метафора» говорит о том, что богатое привлечение перифраз «нередко вступает в противоречие с требованиями ясности речи» [5, с. 37]. В подтверждение своих слов приводит оценку В. В. Виноградова: «Русско-французская фразеология в стилях XVIII в. имела своеобразные особенности. Она носила отпечаток того манерного, перифрастического, богатого метафорами, риторически изукрашенного языка, который был так характерен для французского общества и французской поэзии той эпохи. Так был создан искусственный, жеманно-изысканный стиль выражения, далёкий от простоты бытовых предметных обозначений. Вместо „солнце“ говорили *светило дня, дневное светило*; вместо „глаза“ – *зеркала, зерцала души*. Сапожник именовался *смирный ремесленник*, саблю заменяла *губительная сталь*» [5, с. 37]. На наш взгляд эту оценку вполне можно отнести и к поэзии Беллы Ахмадулиной. Многие исследователи, в частности Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий, отмечают, что поэтессу «нередко упрекали и упрекают в манерности. Так, скажем, Б. Сарнов писал: „Ахмадулина ни за что не скажет просто: «Лошадь». Увидев ребёнка, едущего на велосипеде, она говорит: ... *дитя, велосипед / влекущее, вертя педалью...* Если о человеке надо сказать, что он уснул, она говорит: ... *ослабел для совершения сна...* <...> Желая описать лёгкую поступь девочки, она сплетает такой прихотливый синтаксический узор: ... *пустить на волю локти и колени, / чтоб не ходить, но совершать балеты / хожденья по оттаявшей аллее...* Последние строки могут служить самохарактеристикой. «Походку» Ахмадулиной трудно определить каким-нибудь другим глаголом. Стихи её не «летят», не «спешат», не «маршируют» и уж во всяком случае не «ходят». Они именно «совершают балетные хожденья». Поэтическая манера Ахмадулиной более всего напоминает причудливые балетные па. Впрочем, тут правильнее было бы говорить уже не о манере, а о манерности» [6, с. 317 – 318].

Важно отметить, что в стихотворениях Б. Ахмадулиной прочитывается осязаемая ирония. Перифраза – элемент высокого стиля – становится средством обозначения обычных предметов и явлений: *Здесь, где живу, есть – не скажу: балкон – / гроздь ветхости, нарост распада, или / древесное подобье облаков, / образование трогательной гнили. / На всё на это – выхожу* («Луна до утра»).

Среди общего числа иносказаний, соматическим перифразам отведено заметное место. ... *Безумье вспомнило: когда-то / мне этих глаз являлась нагота. / В два нежных, в два безвыходных агата / смерть Божества смотрела ...* («Смерть совы»). В контексте стихотворения нами выделена перифраза *два нежных, два безвыходных агата*. Агат – минерал, полудрагоценный камень со слоистым или полосчатым распределением окраски. Наиболее красивы так называемые «глазковые» или «очковые агаты» с концентрическими цветными слоями и точкой в центре, похожей на глаз. Обработанный в форме глаза, агат помещался в глазницы статуй богов, которые призваны были охранять дом от нечистой силы. Интересно, что в народе агат получил название «совиный глаз». Этот факт во взаимосвязи с контекстом и названием стихотворения («Смерть совы») вызывает у читателя ассоциацию: агаты – совиные глаза. Иносказание может включать «элементы исходного наименования или другие когнитивные составляющие, благодаря которым перифраза функционирует как образное средство и в то же время легко декодируется» [7, с. 76]. Такими элементами в нашем случае служат имя числительное «два» и первичная номинация «глаза» в предыдущем предложении.

По компонентному составу соматические перифразы в поэзии Б. Ахмадулиной можно разделить на 3 группы. Представим их в виде таблицы (таблица 1).

Таблица 1

Классификация соматических перифраз по составу компонентов

1.	Соматизм как предмет описания: бельма зрачок	Дополнительная поэтизация через перифразу с соматизмом / без соматизма: зеницы седые; <i>пространства цепкий центр</i>
2.	Соматизм не представлен – –	Обозначение перифразой без соматизма: <i>разума извилины и расщелины (мозг);</i> <i>отверстия слуха (уши)</i>
3.	Соматизм не представлен – –	Представлена перифраза с другим соматизмом по принципу тематической общности (метонимический перенос): костей незанимательная сумма (скелет); быстрая влага глаз (слёзы)

Первую группу представляют так называемые «зависимые перифразы» в терминологии В. П. Москвина [5, с. 37]. Благодаря обозначенной первичной номинации такие перифразы не требуют дешифровки и используются преимущественно в оценочной функции. Ситуации первого типа представлены в стихотворениях «Медлительность», «Вокзальчик», «Пуговица в китайской чашке», «Так запрокинут лоб, отозванный от яви...», «Посвящение», «Всё шхеры, фиорды, ущельных существ...».

Вторую группу составляют перифразы, в состав компонентов которых не входит соматизм, но иносказательно описывается, подразумевается. Примеры отражены в стихотворениях «Пациент», «Видение розы», «Нежность», «Воскресный день», «Стихотворения чудный театр...», «Когда жалела я Бориса», «Шестой день июня», поэме «Моя родословная».

Наиболее интересен третий тип перифраз, называемых «самостоятельными» [5, с. 37]. В составе компонентов такого иносказания есть слово-соматизм, помогающий декодировать значение перифразы. Часто такие перифразы образованы путём метафорического или метонимического переноса. Примеры третьей группы представлены в стихотворениях «29-й день февраля», «Памяти Аттилы Йожефа», «Так дурно жить, как я вчера жила...», «Лермонтов и дитя», «Что за мгновенье! Родное дитя...», «Владимиру Высоцкому».

«Перифраза, как описательная номинация, может не только описывать объект номинации, но и выражать эмоционально-оценочное отношение автора к нему. Причём оценочно уже само обращение к перифрастическому выражению: используя перифразу, автор особым образом выделяет номинируемый объект, а значит, оценивает его. Кроме того, как неоднословное наименование, перифраза представляет широкие возможности и для прямого выражения авторской оценки (через лексические значения компонентов перифразы)» [8, с. 161]. *Гортань – оркестрик самоволья: / до-до-докучлив до-диез / с оскоминою си-бемоля* («Посвящение»).

«Описательное наименование даёт говорящему большую свободу в выборе языковых средств для обозначения объекта, что очень важно для создания выразительности речи» [9, с. 208]. Так в художественной речи перифраза часто выполняет эстетическую функцию. О СЛЕЗАХ поэтесса пишет: *...то нежности моей кристаллы / осели на плечи твои* («Нежность»).

Большой корпус иносказаний связан с процессом говорения, возможностью / невозможностью произносить слово. Интересны перифразы «двужилые горловой струны», «красные и предельные объёмы шаров» в гортани. В ряде случаев наблюдаются варианты перифразы с единым компонентом («недра труб», «отверстия труб»), которые можно интерпретировать двояко: ГОРЛО или ГОРТАНЬ. *И, словно дым, затмивший недра труб, / глубоко в горле возникает голос* («Воскресный день»); *Стихотворения чудный театр, некого спрашивать: вместо ответа – / мўка, когда раздирают отверстия / труб – для рыданья и губ – для тирад* («Стихотворения

чудный театр...»). Иногда разгадка этих перифраз вызывает у читателя затруднение: *О, три слога! Рёв сильных широт, / отворённой гортани! / Как в красных / и предельных объёмах шаров – / тесно воздуху в трёх этих гласных* («Моя родословная»).

По утверждению В. П. Москвина перифразирование «является достаточно мощным источником синонимии» [5, с. 37], что обогащает речь, разнообразит её. Подтверждение находим в поэтических текстах Беллы Ахмадулиной. Так ГЛАЗА у поэтессы превращаются в «суровый окуляр», «чёрный бархат», «фосфора запас», «любопытные линзы», «околицы ума», «рассеянные черноты», «две влажных черноты в глазницах», «два фосфорных пекла во лбу», «зелень под сильной кручей лба». *Мой микроскоп увяз в двух непроглядных льдинах, / изъятых из глазниц* («Лермонтов и дитя»); *Как напоследок жизнь играла, / смотрел суровый окуляр* («Когда жалела я Бориса...»); *В околицах ума, в рассеянных чернотах, / ютится бедный дар и пробует сказать, / что он не позабыл Ладыжинских черёмух / в пред-ладожской стране, в над-ладожских скалах* («Лапландских летних льдов недалёкая граница...»).

2. Эпитеты, сопровождающие соматизмы. Одним из наиболее значимых средств создания художественного образа выступает эпитет. Предлагаем представить соматические эпитеты Беллы Ахмадулиной в составе следующих пяти групп, предложенных М. С. Караваевым в статье «Актантная метонимия прилагательных, сочетающихся с соматизмами» [10]:

- 1) перцептивные характеристики – то, что воспринимается органами чувств;
- 2) физические свойства, состояния;
- 3) психические свойства и / или состояния;
- 4) интеллектуальные характеристики;
- 5) общеоценочные эпитеты.

Первая группа соматических эпитетов – перцептивные характеристики – может быть представлена такими категориями, как цвет, размер, форма, вкус, запах, свойство поверхности («материал») и др.: «огромность лица», «маленькое горло», «прозрачный пальчик», «слёзы стеклянны», «капроновые крыла», «душа белым-бела», «перламутровый белок». *И вот теперь разнежен весь мой дом / целебным поцелуем валерьяны, / и медицина мятым языком / давно мои зализывает раны* («Озноб»); *Вот кожа моя – голая, большая: / как холст для красок, чист простор для ран!* («Сказка о Дожде»).

Вторая группа – физические свойства и состояния – также представлена достаточно широко и разнообразно: «пьяный язык», «крепкие челюсти», «озябший позвоночник», «озябшая гортань», «мозг слеп», «отдохнувший лоб», «подслеповатый белок» и мн. др. *Печальный ангел с личиком больным* («Приключение в антикварном магазине»).

Психические свойства и / или состояния передают свойства характера, эмоциональное состояние, волевые качества: «лицо не лицемерно», «слабая душа», «печальные седины», «непреклонный кулак», «одичавшие локти» и др. *При чистом звоне молотка / являют прелесть молодую / в латунь влюблённая рука, / рука, пленённая латунью...* («Экспромт Кобе Гурули»).

Эпитеты, выражающие интеллектуальные характеристики представлены малочисленной группой: «чело умнейшее», «носы (самолётов) глупые», «дурной мозг», «слабоумный лоб», «неграмотная кровь». *Проснувшись ночью в серых простынях, / он клял дурного мозга неприличье, / и высоко над ним плыл Пастернак / в опрятности и простоте величья* («Плохая весна»); *Подспудны – пестроумье головы, / слов столкновенья, образов обрывки* («Ночь возле ёлки»).

Пятую группу составляют общеоценочные эпитеты типа «лбы величавы и прекрасны», «глаза недобрые», «старомодная чёлка», «глаза добрые и верные», «дивные рожи», «невзрачное лицо», «улыбчивые усы», «бедная голова», «лицо суровое», «добычливые руки», «бедные плечи» и мн. др. *Лишь бедная прибыль снежинки / угодна корыстной душе* («Февраль без снега»).

Помимо традиционных категорий Б. Ахмадулина часто прибегает к сложным образам, таким как «эпитет-интенсив: **громоздких** пульсов и костей, **великанский** лоб, эпитет-олицетворение **неграмотные** рыльца, эпитет-метафора: в **тигриных** мышцах тишины» [11, с. 48].

Творчество Беллы Ахмадулиной «строится подчас на парадоксальных приёмах, – подчёркивает В. К. Харченко в книге „Переносные значения слова“. – Читатель ждёт оригинального эпитета – ему предлагают повтор, и наоборот, на месте традиционно близких или хотя бы одноплановых понятий в однородном ряду вдруг оказываются понятия едва ли совместимые, что также способствует усилению образности и выразительности стиха» [1, с. 152]: «в его опрятной маленькой крови», «глаз твой, отверстодрожащий и трудный», «борьбу локтей неведомых и острых», «дивные рожи румяных картин», «наитье прохладного глаза дурного», «бумаги белый и отверстый зев», «зеницы минерал до-первобытен, свеж, непроницаем».

Интересно, что сам ЭПИТЕТ в стихотворении Б. Ахмадулиной «Не писать о грозе» получает тропеическую оценку: *Пронеслось! Открываю глаза. / Забываю про руку: пусть пишет. / Навсегда разминулись – гроза / и влюбленный уродец эпитет. / Между тем удаётся руке / детским жестом придвинуть тетрадку / и в любви, в беспокойстве, в тоске / всё, что есть, описать по порядку.*

3. Сравнения и метафорика. Тропеическое окружение соматизма не ограничивается использованием перифраз и эпитетов. Интересно проследить, как в творчестве поэтессы реализуются соматические сравнения и метафоры.

Многочисленные соматические сравнения в лирике Б. Ахмадулиной могут быть обобщены в четырёх группах.

К первой мы относим сопоставления частей тела с различными предметами или явлениями. Эта группа сравнений наиболее частотна, представлена широко и разнообразно. Например, соматизмы часто получают «бытовое сравнение»: *Как бы намазанные тестом, их руки липнут и ко мне* («О, слово точное – подонки!..»); *И слёзы мои так стеклянны, / так их паденья тяжелы, / они звенят, как бы стаканы, / разбитые среди тишины* («Нежность»). Слёзы могут превратиться в бинокль: *В две слезы, словно в бинокль / с недоумением обнаружу...* («Я школу Гнесиных люблю...»), позвоночник напомнить антенну: *прям позвоночник, как антенна* («Моя родословная»). Соматизм может сравниваться с растением: *Горла алого рваный проём / был ли издали схож с медуницей?* («Преппирательства и примирения»).

Часто предметом сравнения выступает лицо. В стихотворениях поэтессы оно ассоциируется с пустырём: *Лицо его пустынно как пустырь* («Моя родословная»), светом: *лицо – это свет, способ души изъяслять благородство* [12, с. 298], луной: *лицо моё, словно чужая / предсмертно белая луна* («Описание обеда»). Интересны христианские сравнения: *Неведомы и деревянные / их лики, словно образа* («О, слово точное – подонки!..»); *Как свечи мерцают родимые лица* («Я знаю, всё будет: архивы, таблицы...»).

Вторая группа сравнений противоположна первой: предметы и явления действительности сравниваются с соматизмами. И здесь возможны варианты. Например, мир природы сравнивается с частью тела человека или животного: *Цветок, как нагота разбуженного глаза, / не может разглядеть: зачем не дали спать* (Черёмуха); *Дождь, как крыло, прирос к моей спине* («Сказка о Дожде»). О черёмухе поэтесса пишет так: *Она – бельмо в моих глазах усталых* («Черёмуха белонощная»).

Психические, физические, интеллектуальные действия или их результат также могут сравниваться с соматизмами: *Слова из губ как кровь в платок* («Песенка для Булата»), *Её ресницами, как шоком, / мгновенно все поражены* («Королева»).

Третья группа представлена сравнением «человек – соматизм». Интересно, что чаще всего прослеживается сравнение с мускулом: *Я пью вино, и пьёт старик бедовый, / потрескивая на манер огня. / Он – не старик. Он – перезвон бидонный. / Он – мускулы под кожей коня* («Павлу Антокольскому»); *В неловкой позе у стола присев, / располагаю голову и плечи, / чтоб обижал и ранил их процесс, / к устам вле-*

кущий восхождение речи. / **Я – мускул**, нужный для ее затей. / Речь так спешит в молчанье не погибнуть, / свершить звукорождение и затем / забыть меня навеки и покинуть («Воскресный день»).

Тропы и фигуры нередко бывают соположенными, работая на создание яркого образа. *Смотри, природа, – розов и мордаст, / так кротко спит твой бешеный сангвиник, / всем утомленным вклеившись в матрац, / как зуб в десну, как дерево в суглинок* («Воскресный день»). В этом четверостишье человек перифразирован в «бешеного сангвиника», охарактеризован эпитетами «розов и мордаст», наделён двумя неожиданными сравнениями: он – «зуб в десне» и «дерево в суглинке». Дополняет образ спящего человека не менее яркая метафора «вклеившись в матрац».

Четвёртую группу составляют сравнения соматизма человека с зоосоматикой: ... *их глаза, – как рысий фосфор, зрячи* («Теперь о тех, чьи детские портреты...»).

Своим творчеством Белла Ахмадулина преобразует, воспекает будничную действительность. Любой ничем не примечательный предмет может стать «героем» стихотворения. Её произведения посвящены, как правило, какому-либо реальному событию, впечатлению, часто обыденному, не выделяющемуся из общего ряда. Однако поэтесса показывает предмет с какой-либо новой стороны, используя смелые и оригинальные образы. Интересен метафорический осязательный глагол: «**опалил ладони**», «**опаляющий** глаз сквозь ладонь», осязательное сравнение-интенсив: *взять в кожу, как ожог, вниманье ваших глаз*.

Даже традиционная метафора в контексте стихотворения Б. Ахмадулиной обыгрывается, становится яркой, звонкой, даже ироничной: *Анютиных дикорастущих глазок / здесь вдосталь, и, в отсутствие Анют, / их дикие глаза на скалолазов / глядят, покуда с толку не собьют* («Вошла в лиловом в логово и в лоно»).

Рассмотрим ещё один фрагмент: *Уродующий кисть огромный пульс / всегда гудел, всегда хотел на волю* («Озноб»). «Здесь также наблюдается группа приемов, инструментов художественности на фоне ведущего олицетворения пульса. Это синестезия (*огромный пульс, пульс... гудел*), гипербола (*уродующий кисть*), это привлечение фразеологизма, тоже телесного (*хотел на волю*), это использование автором сразу двух слов-соматизмов в пространстве одной поэтической строки (*кисть, пульс*)» [11, с. 49].

В поэтическом мире Беллы Ахмадулиной и сами соматизмы, употребляясь в переносном значении, могут экспрессивно обслуживать иные реалии, например, в составе гинитивной метафоры: *смотрят рыльца карандашей, рога антенн над головой*.

Еще интереснее наблюдать совмещение прямых и переносных значений слов-соматизмов в художественной перцепции поэтессы: *Два мрачных исподлобья сведены / в неразрешимой и враждебной встрече: / рояль и ты – две сильных тишины, два слабых горла музыки и речи* («Уроки музыки»).

Выводы

Мы убедились, что слова-соматизмы в поэтическом творчестве Беллы Ахмадулиной не только сами представляют собой художественную ценность, но и окружены целым набором тропеических средств.

Исследование показало творческое использование Б. Ахмадулиной приёма перифразы применительно к соматической лексике. Перифразы весьма характерны в системе тропеических средств, используемых поэтессой, как и соматизмы – тематическая группа лексики, интенсивно используемая Беллой Ахмадулиной для создания художественных образов.

Мы выделили три типа такого использования: 1) когда перифраза становится дополнительной характеристикой слова-соматизма, 2) когда перифраза заменяет отсутствующее слово-соматизм, 3) когда для отсутствующего слова-соматизма используется перифраза с другим тематически близким словом-соматизмом.

Столь же творчески подходит поэтесса к использованию метафор, сравнений и эпитетов, что делает соматизм в стихотворной строке весьма поэтическим словом. Среди эпитетов, сопровождающих соматизмы, мы выделили 5 групп: 1) эпитеты, обо-

значающие перцептивные характеристики, 2) физические свойства, состояния, 3) психические свойства и / или состояния, 4) интеллектуальные характеристики, 5) общеоценочные эпитеты. Прибегая к соматическим перифразам, метафорам, сравнениям, поэтесса расширяет привычное значение слова.

Сравнения, сопровождающие слово-соматизм и построенные на семантике соматизма, также допускают классификацию и могут быть проиллюстрированы фрагментами поэтических текстов Б. Ахмадулиной.

Поэтизация соматизмов формирует идиостиль Беллы Ахмадулиной, делает её творчество узнаваемым и неповторимым. Приведём в заключение весьма характерный для поэтессы отрывок, насыщенный художественно интерпретируемой соматикой.

*Как приторен в гортани привкус сна. / Движенье рук свежо и неумело <...>
Мозг слеп, словно остывшая звезда. / Пульс тих, как сок в непробуждённом древе. /
И – снова спать! Спать долго. Спать всегда, / спать замкнуто, как в материнском
чреве («Спать»).*

Список литературы

1. Харченко В. К. Переносные значения слова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 200 с.
2. Емельянова О. Н., Камина А. В. Коннотативный аспект семантики соматизмов (на материале прозы А. Б. Мариенгофа и Е. И. Замятина) // Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Специализированный выпуск. – Красноярск: Изд-во КрасГУ, 1998. – Вып. 6 (6). – С. 79 – 94.
3. Ахмадулина Б. А. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2012. – 856 с.
4. Грехнёва Л. В. Особенности перифрастической номинации // Вестник ННГУ. Серия: Лингвистика. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2010. – № 4 (2). – С. 504 – 506.
5. Москвин В. П. Метафора и перифраза // Русская метафора: Очерк семиотической теории. – М.: ЛЕНАД, 2006. – С. 33 – 39.
6. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Неоакмеисты-«шестидесятники» (Б. Ахмадулина, А. Кушнер, О. Чухонцев) // Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы. В 2 т. – Т. 2: 1968-1990. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 314-320.
7. Гукова Л. Н. Топонимическая перифраза: введение в проблему // Логос ономастики. – Донецк: Изд-во ДНУ, 2006. – № 1. – С. 72 – 80.
8. Грехнёва Л. В. Функции перифрастической номинации // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. научн. конф. ... В 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 1. – С. 160 – 162.
9. Грехнёва Л. В. Объекты перифразирования в поэзии Н. А. Заболоцкого // Вестник ННГУ. Серия: Лингвистика. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2009. – № 6 (2). – С. 207 – 210.
10. Караваев М. С. Актантная метонимия прилагательных, сочетающихся с соматизмами // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – № 2. – С. 52-57.
11. Харченко В. К., Плужникова Д. М. Соматизмы в поэзии Беллы Ахмадулиной // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2011. – № 24 (119). – Вып. 12. – С. 44 – 50.
12. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII-XX веков. В 2 т. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – Т. 1. – 848 с.

THE TROPE ENVIRONMENT OF SOMATISMS IN BELLA AKHMADULINA LYRICS

D. M. Pluzhnikova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
dageeva24@rambler.ru*

Somatisms that are accompanied by tropes and figures in Bella Akhmadulina lyrics are examined in this article. Periphrasis, epithets, similes and metaphors are analyzed.

Keywords: somatism, paraphrase, epithet, comparison, metaphor.